

Олег Симонов

Пашка и его друзья

ПАШКИНЫ КРЫЛЬЯ

Повесть

Книга вторая

Художник Олег Зубарев

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Москва, 2022

УДК 821.161.1-93Симонов

ББК 84(2=411.2)6-44

С37

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р22-201-0007

Для детей старше шести лет

Симонов, Олег Юрьевич.

С37 Пашка и его друзья : повесть : в 2 книгах / О. Ю. Симонов ; художник О. И. Зубарев. — Москва : Вольный Странник, 2022.

ISBN 978-5-00178-091-5

Книга 2 : Пашкины крылья. — 2022. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-00178-111-0

Молодая советская страна строится и развивается, но всё сильнее становится в ней гнёт атеистической идеологии. Волны террора докатываются до стен храма «у Академии». Пашка и его друзья сталкиваются с недетскими проблемами, с преследованиями, предательством, нечеловеческой злобой. Но здесь и сейчас продолжается их детство, полное увлекательных приключений и удивительных открытий, несмотря на то, что именно они остаются защитниками веры на последних рубежах.

УДК 821.161.1-93Симонов
ББК 84(2=411.2)6-44

© Симонов О.Ю., 2022

© Зубарев О.И., иллюстрации,
2022

ISBN 978-5-00178-111-0 (кн. 2)

ISBN 978-5-00178-091-5

© Оформление ООО «Вольный
Странник», 2022

Именины

1

Протекла половина лета. Всё реже вспоминалось Пашке бегство из родного дома. Всё дальше отодвигалась та, прежняя жизнь — её полностью заслонила настоящая, бегущая вперёд, не согласная притормозить ни на минуту. Дни были огромными, они летели, как мощный паровоз с зелёными вагонами — похожими один на другой, длинными, быстрыми: только окна мелькают и колёса стучат! Пашка потерял им счёт, потому что считать их не было никакой надобности: пускай подсчитывают своё время те, кому невесело бытовать на белом свете.

«Съездим к Тане. Надолго ли — Бог весть», — сказала мама весной, когда «ироды» запечатали их рязанский храм.

Странно было думать об этом сейчас: возвратиться в родной дом для Пашки казалось ничуть не более реальным, чем слетать на Луну. А почему — ведь до рязанского посада было всего ничего — каких-то двести вёрст по железке, «нынче здесь — завтра там», как поётся в песне.

Нет. Домик с голубенькими ставнями и покосившаяся ветла у калитки навсегда врезались в Пашкину

память — да, конечно, по-другому и быть не может, — но только в память. Сейчас они были очень далеко, гораздо дальше, чем двести вёрст. Они остались там, где не ступала нога Тима-Тохи-Тёмки и Бориса. Где не летали стрелы с боевыми наконечниками, пущенные — очень точно — в серёдку агитпроповского шарика, или — ещё точнее! — в смуглую ладонь с зажатым в ней клинком. Где не вставали прозрачной стеной брызги от бортов маленького яла и не хлопали на ветру холщовые паруса. Где не хлестали по лицу ветки каштанов — когда ты колесишь по тарзанской стране и ловишь взглядом в просветах листвы Тохину макушку — а слабó его догнать?! Где не было бурсы и уроков славянского — трудный он всё-таки оказался, что говорить, несмотря на объяснения отца Иоанна... Где не глядел каждый день на Пашку — через яблони и рябины соседских дач — тёмный высокий шатёр с маленьким крестом.

«Проросли мы с тобой в Рязани, Пашунь... И здесь — проросли», — высказалась давеча мама. Каждый зелёный вагон — день Пашкиной жизни — зелёным он казался от изумрудной пестроты тарзаньей рощи, от почти чёрных уголков-вершин дремучих елей на островках Крайнего пруда, от пушистых веток-метёлок лиственниц на Академической улице — добавлял невидимых корешков, связывающих Пашку с «Академией». Куда ему теперь отсюда? Никуда — ясно как день. Прочно прирос, не оторвёшь.

Но вагоны не мотались по кругу, они бежали вперёд — только вперёд и за прошедшие пол-года пробежали ох как далеко. Да, хвост этого бесконечного зелёного состава здорово отличался от его головы. Академические недели потянули — если б можно было взвесить их на весах — на

Именины

половину всей Пашкиной жизни, никак не меньше. И дело даже не в пёстрой череде событий. Конечно, их произошло больше, чем в любое прежнее лето, — но дело не в них. Просто Пашка понимал, что всё-всё его житьё стало иным. Оно будто пошло вскачь после неторопливой рязанской рыси. Или, по-другому, словно ялик с парусом-лоскутком кружил-кружил по маленькой бухте и вдруг, неожиданно для самого себя, вылетел в пролив — навстречу грозному морю.

Это ощущение трудно было объяснить новой обстановкой, окружавшей Пашку, и самими событиями. Конечно, некоторые из них круто поменяли его жизнь — прежде всего, марфинское побоище. Но на эти изменения Пашке жаловаться не приходилось. Наоборот. Та ровная, спокойная уверенность, которая жила в глубине его души со времени памятной битвы, была для него новой, неизвестной по прежнему житью-бытью. Её не смог разрушить даже страшный комендант на Тушинском поле. «Божия сила победила», — сказал отец Иоанн про историю с лариками, хромами и мирончиками — и Пашка соглашался: это действительно так. Конец академических тупиков оказался другим, нежели у тех, в которые он попадал прежде.

Ну, а ребята? Да как можно сравнивать его нынешнее житие с тем, что было в Рязани, при Глафире и Борисыче?! И не только при Борисыче — даже тогда, когда Витька Селин ещё не предал Пашку, — у него не было команды, сколько-нибудь похожей на Тима-Тоху-Тёму-Борьку. Доброе житие, что скажешь — мама на всю катушку права!

Но грозное море всё-таки подступало, оно было совсем рядом, Пашка всё сильнее чувствовал его напор.

Почему — сейчас, а не раньше, когда напасти жалили его во все тяжкие?

Может быть, потому что в прежнее время Пашка не мог рассмотреть это неприветливое море как следует. В Рязани он видел только ближайшие волны — свирепые, беспощадные, — обступавшие их с мамой. Что было за ними, он не знал. Пожалуй, и не до этого ему было тогда — слишком больно швыряло море маленький Пашкин баркас. А за первыми волнами, оказывается, скрывались другие. Они ударяли не только по его учёбе и маминой службе в храме. Волны били по преображенскому приходу, по соседним общинам. По Церкви. Пашка в полной мере ощутил только последний рязанский вал — когда был закрыт храм и они покинули родной город.

В столице мама вошла в тихую гавань. А Пашка стал ближе к шторму, к его широкому фронту. И, несмотря на доброе житие, кожей чувствовал близость бури.

Она грозила издали — мелкими сполохами зарниц, дальними штормовыми раскатами. Пашка замечал их мимоходом, сквозь ежедневную пестроту обычных дел и занятий. То по посёлку пронесётся весть — очередной «академик» лишился работы, по наводке соглядатаев. То передадут по радио: «В результате обмена партийных документов выявлен крупный троцкистский центр!» — и ладно бы с ними, троцкистами (кто это, Пашка толком не знал), но мама вздыхала и крестилась на Казанскую: «Опять, вишь, людей на страдание приговорили, ироды, — мало им, нехристям?» То принесут тёте Тане письмо от брата из Ленинграда, с надёжной оказией, а там: «По Кировскому делу выслали новую толику питерцев, несколько сот

Именины

человек!» То вновь взбудоражится родной приход «у Академии»: комсомольцы-однокурсники добились исключения из вуза «выпускницы» — Маши Антоновой. То — просто: отец Иоанн соберёт пятёрку после службы: «Братья, напоминаю — храм стоит чудом; будьте аккуратны и осмотрительны во всём: в поступках, в передвижениях, в словах! Не подведите!»

Они не подведут. Постараются не подвести. А враждебные весточки-новости давно не новы для Пашки: если поднапрячь память, в Рязани их тоже было достаточно.

Новое — в другом: Пашка вдруг задумался — на бегу, конечно, а где ж ещё? — почему эти градинки выстукивают тревожную морзянку именно по его душу: «Гроза идёт на тебя!» Почему на него? Что он такое?

И тут же, на бегу, нашёлся ответ — Пашка даже удивился, как быстро. Что он такое? Да ничего особенного — обычный пацан. Обычное некуда. Просто их пятёрка — не «кусочек шпаны», как выразился некогда Дериглаз. Пашкин кораблик — это крошечная, не больше ялика, и всё-таки полноценная единица «академического» флота. Буря не дура. Бить по Пашкиной команде — значит бить по храму. А по церкви они, говорит отец Иоанн, будут колотить всё сильнее. Значит, враждебное море ещё и ещё пошлёт свои валы против хрупких лодок Пашкиной флотилии. Их с пацанами флотилии.

Но как пошлёт? У него много волн, много способов. Некоторые Пашка уже знал. Ударить в лоб — прямо по пятёрке: кулаками Крохиной толпы выжимая пацанов-«академиков» из посёлка. Исподтишка накатить на весь приход откуда-то снизу, из мутных глубин: под личиной

«сотрудников» подбираясь на праздничной службе и вдруг накрыть — страхом, угрозами, клеветой. Или поднять девятый вал, без всяких личин, — вспомни Сашку Марьи́на! — если ты встал в полный рост и идёшь навстречу шторму — загоняя в тюрьму, калеча и губя.

Они с ребятами выплыли из первой волны. Ждать ли других?

2

...Нет, всё-таки удивительно: в этой «шалльной столице» даже хорошие, привычные вещи случаются вдруг, неожиданно, — жди их, не жди. Вот и теперь: Пашка глазом не моргнул, промелькнули длинные июньские деньки — а на дворе, откуда ни возьмись, «Пётр и Павел» — его именины, которые в прежние годы подкатывали не спеша, чинно, как не спеша меряло небосвод ослепительное рязанское солнце. У лета нынче — первая большая потеря: «Пётр и Павел час убавил». Так, чего доброго, и остаток проскочит, не заметишь! Мама, конечно, завела вчера неприятный разговор (совсем бы не ко Дню ангела!): «Пора о школе подумать — не успеешь оглянуться, сентябрь нагрянет». Нужен этот сентябрь Пашке, как Тохе с Тимом — бакенбарды... Но до сентября всё-таки далеко. А настоящее — вот оно, рядом, и в нём первым номером именины. Не обычные, как в прошлые годы. Со званым обедом!

Да, на нынешнее Пашкино торжество мама пожелала принять всю честную компанию у себя дома. Четвёрка

Именины

получила от Нины Петровны и тётки Тани приглашение на чай с пирогами.

Накануне Пашка алтарничал на всенощной, а когда добрался до дома, ещё за калиткой уловил густой сдобный дух. Ошибки быть не могло: Нина Петровна, в первый раз на новом месте, всерьёз взялась за пироги. Мама с тёткой Таней выдали ему скалку и здоровенную миску с тестом: меси, раскатывай! А пока он месил, с кухни потянулись такие горячие запахи — черника, вишня, малина, корица, — что Пашка был сражён наповал. Мама, правда, вскоре отправила его спать, но и во сне Пашкин нос витал в ягодно-пряных облаках.

Утром вместе с мамой стояли литургию. Пашка причащался, а отец Иоанн тихонько, шёпотом, поздравил его на отпусе и вручил праздничную просфору. Ребята тоже поздравили. После службы они разбрелись по домам, но ненадолго — мама просила их «пожаловать» к четырём часам.

И они, конечно, пожаловали.

Пашка немного волновался за пацанов — кроме Борьки, понятно: как-то маме покажется братва при ближайшем рассмотрении, не на скаку.

Но всё шло гладко. Тёмыч не фыркал за столом, Тим не бурчал, Тоха не сморкался в кулак — компания сидела чинно-благородно и поглощала черничные пироги с крейсерской скоростью. После чая на свет явился один из любимых маминих фолиантов, «Киево-Печерский патерик» начала прошлого века, с фитами и яркими заглавными буквами. Тут, конечно, блеснул Борька, художественно выдав главу «О Тите-попе и Евагрии диаконе, враждовавших между

собой». Мамин взор в конце Борискиного чтения затума-
нился (чего давно не наблюдал Пашка), тётя Таня прослези-
лась, братва слушала и не зевала, даже Тоха. Потом обнару-
жилась новая порция пирогов, и вечер полетел дальше как
по накатанной. Тётя Таня достала альбом с дореволюцион-
ными фотокарточками, на которых она стояла в кружевном
платке и не пролетарском платье, с цветочком в причёске.
Совсем-совсем молодая. И они снова слушали, и ничего,
выдержали — правда, воспоминания особенно не затяну-
лись: тётя Таня оборвала речь перед самой революцией:
«Дальше неинтересно, не буду вас морить!»

После чего Тим пнул Пашку под столом — он думал,
это значило: «Я домой, моченьки нет!» Но Тимофей, ока-
зывается, придумал другое.

— Давай Тёмыча упросим — стих толкнуть!

Пашка аж опешил: Тим всегда говорил, что «от поэзии
этой у него зубы болят». А тут надо же...

Ладно, на правах именинника: Пашка взглянул на Тём-
ку и пробормотал не очень уверенно — мол, не повторит ли
Тёмыч, «как тогда на озере, про корабль и войну»?.. Тёмка
поначалу заупрямился и чуть не надулся. Но передумал —
и всё-таки не надулся. Прочёл про «Меркурия». А потом
разошёлся и выдал новый стих, про Кутузова и Наполео-
на, очень смешной. А после — грустный, про уток и осень.
Когда только Тёмыч всё это сочиняет?!

— Пушкиным будешь! — изрёк Тоха, когда они сиде-
ли и молча переваривали Тёмкину поэзию.

Точно. Это тётя Таня говорит: устами младенца глаго-
лет истина. Только никакие они уже не младенцы, конеч-
но, и Тоха в том числе.

Именины

- Он и так Пушкин, — возразил Тимофей.
- Нет уж, братцы, — вздохнул Тёма. — Не Пушкин.
- Для Бога каждый человек важен не меньше Пушкина, — авторитетно заявила тётя Таня.

И хотя это уже совсем смахивало на нравоучение, они не обиделись. Съели ещё по пирожку, а затем отправились в длинный дом, ночевать.

..И новый день был не хуже именинного, и следующий (хоть и без пирогов), каждый — «забит под завязку». Прыжки, школа бурсака, беготня — с мячом и без мяча, со стрелами и без, в качестве передышки — уроки Варвары Александровны, Шопен, Чайковский, Моцарт... Пашка точно не скучал.

Вы — со Христом

1.

Заканчивалась воскресная всенощная. Народу в церкви было сравнительно немного, все — свои, надёжные вроде бы люди, поэтому отец Иоанн разрешил пятёрке войти в алтарь. Разобрали записки с поминовениями на следующий день и синодики, принялись читать. Батюшка только что вернулся с исповеди, которую проводил в притворе.

Хор, сегодня совсем маленький — всего две девушки, — спел великое славословие и тропарь. Священник начал возглашать прошения сугубой ектении.

Тимофей, стоявший на своём обычном посту, у двери в алтарь, отложил кипу записок и вышел. «На обход», — привычно подумал Пашка.

Тим вернулся очень быстро.

— Пятаков идёт! С «хвостом», — негромко бросил он на ходу, мгновенно собрав у всех синодики и бумаги. — Быстро, на выход!

Один за другим они скрылись за неприметной узкой дверью в ризнице. Оттуда — на противоположную сторону

храма, а там — через дыру в заборе, прикрытую висящей на одном гвозде доской, на огород Фёклы Матвеевны.

..Отец Иоанн перекрестил уходящую ватагу и продолжил поминовение.

Через полминуты в полупустом храме раздалась гулкая поступь сапог. Священник вздохнул: «Господи, спаси. Их и нас». Открылась диаконская дверь, на пороге стоял участковый. На голове — фуражка, в зубах — папироса, видимо, нарочно не погашенная.

За Пятаковым, в проёме, маячила круглолицая физиономия «хвостика», как называли его в приходе, — товарища Дубинина, помощника участкового.

Докурив, милиционер сплюнул окурок на пол.

— Дай, думаю, зайду к врагам народа, — обычно насмешливый бас Пятакова звучал сегодня глуше, чем обычно. И насмешки в нём не было. Но не было и дружелюбия. — Что поделываешь, поп?

Отец Иоанн отложил в сторону стопку записок.

— Поминаю живых и усопших.

— Советским людям ваши поминания не нужны, — отрезал милиционер.

Отец Иоанн не ответил. Пятаков подозрительно оглядел алтарь, обошёл вокруг престола и приоткрыл вторую диаконскую дверь. На клиросе в это время старушка Марфа Григорьевна дочитывала первый час. Увидев Пятакова, она охнула и перекрестилась, но затем решительно продолжала: «Еже потребити от града Господня вся делающая беззакония», после чего с неодобрением посмотрела на голову в фуражке. Пятаков захлопнул дверь и вернулся в алтарь.

Вы — со Христом

— У вас есть вопросы ко мне, Пётр? — Священник инстинктивно сжался, ожидая обычной грубости вроде: «Я тебе, гнида, гражданин участковый, а не Пётр», но Пятаков сдержался.

— Вот ты грамотный, поп, — проговорил он. — Знаешь, что шесть лет назад, когда у Советского государства дошли наконец руки, чтобы разогнать всю вашу свору..

«Началось... — подумал отец Иоанн. — Слабы наши молитвы».

— ...было выпущено постановление. Президиум ВЦИК его издал. Это власть для вас или нет? *Ваша* власть, которую ждёте с семнадцатого года, больше не вернётся. — Лицо милиционера начало багроветь, на лбу налилась жила. Отец Иоанн молчал. — Должны наизусть знать такие вещи, церковники!

Участковый вынул из-за пазухи старую газету.

— ...я напомню, поп. Вашим общинам нельзя «...создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться своим имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам».

У отца Иоанна ёкнуло сердце. «Знает про “помощь”?!» Он поднял глаза на милиционера и открыл было рот. Но тот отмахнулся:

— Слушай дальше... «организовывать как специально детские, юношеские, молитвенные и другие собрания, так и общие библейские, литературные, рукодельнические, по обучению религии...». И вот, когда Страна Советов переживает трудности и даже — трагедии, как с «Максимом

Горьким»... А между прочим, в той катастрофе наверняка виноваты вредители... не выявленные пока вредители!.. (отец Иоанн снова похолодел: неужели пронюхали, что Борин отец связан с храмом?) Вы, враждебные элементы... — Пятаков с шумом высморкался, — проводите атаку на социалистическое государство.

Священник опешил:

— Какую атаку?

— У тебя здесь пасутся пацаны. Не отпирайся! Ребята, за которых в революцию лучшие люди кровь проливали! — Пятаков ещё более побагровел и сжал кулаки. Но, видимо, ему не хотелось ронять достоинство перед врагом народа, поэтому он поборол желание сорваться на ругань. — Слушай меня внимательно. Если до меня ещё раз... ещё хотя бы раз дойдут сведения, что ты охмуряешь ребятишек, ты сразу же отправишься вслед за предыдущим попом. Понял?!

Отец Иоанн ответил после небольшой паузы:

— Гражданин Пятаков, я не строю иллюзий насчёт своего будущего. Я отправлюсь за отцом Сергием, если... (он хотел сказать: «будет воля Божия», но не стал продолжать фразу). Что касается детей, я никого не принуждаю. Если ребята приходят в храм, я не имею права отталкивать их. А теперь попрошу вас покинуть алтарь.

— Я тебя предупредил, поп. — Пятаков плюнул на пол и вышел, хлопнув диаконской дверью. — Пошли, Василий.

Дубинин последовал за своим командиром. Резко ударила входная дверь.

«Откуда же он знает...» — думал отец Иоанн. Они ведь, кажется, всё продумали с ребятами по части конспирации...

Вы — со Христом

Эх, «свои», «свои»! Неужели среди двадцатки — вернее, того, что от неё осталось, — есть иуды?

А Пятаков дотошный. Раз узнал, теперь — конец, не отлипнет. Вот тип, прости, Господи. Идёт сейчас, наверное, от злобы лопается.

2.

Но отец Иоанн не совсем угадал.

Милиционер действительно покинул храм в самом скверном расположении духа. Такая уж у него была горячая натура: стоило переступить церковный порог, войти в логово прихвостней старого режима, — прилиwała к голове кровь, туман застилал глаза. От негодования и... недоумения.

И то дело — сколько досталось длинногривым в революцию и в Гражданскую, сколько прижимали их в 29-м и 30-м, они всё не исчезали — сохранялись по углам да по норам, по церквям своим. Белогвардейцев перебили, кадетов и эсеров разогнали, в партии — и то целые своры бандитские разоблачили. А эти церковники хоть и самые смешные из всех, но и самые живучие. Потому как — фанатики! А значит, совсем и не смешные. Мало что сами умудряются выживать в эпоху индустриализации и великих строек коммунизма — ребятишек несмышлёных на свою сторону норвят перетаскивать, вот что обидно.

Ещё обиднее было то, что о ребятишках в церкви он узнал со стороны — информация пришла через «сотрудников», которые давно вели этот приход. Имеются, мол,

сведения, что работает чуть ли не подпольная воскресная школа, поп воздействует на неокрепшие умы несовершеннолетних, малолетние подростки привлекаются к поповским делам, то есть ихним церковным службам. Собственно, получалось, что Пётр Ермолаевич проморгал вражью деятельность у себя под носом...

Хотя, если трезво взглянуть на дело (Пётр Ермолаевич стал понемногу успокаиваться, меряя широким шагом Дубовую улицу), ещё неизвестно — кто тут что проморгал. И пёс с ними, с «сотрудниками». Это, между прочим, их прямая обязанность — вынюхивать, что в поповском хозяйстве происходит. Не бегать же ему в церковь каждый день, и так забот хватает на участке! У каждого свои первоочередные задачи. Пусть Бобров с этой... как эту тётку кличут, запаматовал... пусть они с попами плотнее работают. Кстати, сегодня в церкви — ни его, ни её. Тоже мне — труженики!

...Заглянув ещё по двум адресам, то есть выполнив весь дневной план, Пятаков с еле волокущим ноги «хвостиком» — сам Пётр Ермолаич был в полном порядке — направился к своему жилищу. Думы вновь вернулись к поповскому вопросу.

Всё-таки впредь надо быть внимательнее. Тщательнее анализировать имеющуюся в распоряжении информацию, не снижать бдительности. Пятакову вспомнился случай с воздушными шарами. Если б он поглубже копнул тогда, глядишь, и накрыл бы осиное гнездо в зародыше. Потому как неуловимые стрелки, которых он упустил, могли оказаться весьма близкими к этому попу личностями.

Тут мысли милиционера перекинулись на самого священника. Надо же, молодой ведь. Смертник — и знает, что смертник, чувствует свой конец. Милиционер хмыкнул и покачал головой.

Пятаков свято верил в революцию и её рыцарей. С каждым годом из обычных людей, старших товарищей по 18—19-му годам, они приобретали в его сознании всё более легендарные, очищенные от пошлой реальности, черты. Любил он вспоминать те огненные годы, в которых осталось всё самое настоящее и дорогое. Время делало своё дело: забывались слабости и даже подлости боевых друзей, не мучили больше кошмары, в которых течёт рекою кровь, а шашка врубается в мягкое тело и рассекает его пополам. Но преданность рабочему делу, безумная отвага, самопожертвование — где сейчас увидишь это? Пятаков часто с грустью думал: жизнь стала другой, люди мельчают. Где ленины, где дзержинские, где чапаевы? Да, многие вожди и сам товарищ Сталин живы, но... сколько вокруг приспособленцев, двурушников, карьеристов. Большинство — лавирует, хитрит, тянет одеяло на себя.

Пятаков вспомнил, как такой вот проходимец не дал ему в своё время выйти в начальники: десять лет назад, когда он служил в угрозыске и ожидал повышения в должности, случился донос — его обвиняли в потакании «классово враждебным элементам, врагам Советской власти» и халатности. Началось служебное расследование, тянулось оно целых три месяца: проверялось несколько дел, которые вёл Пятаков и в которых со свойственной ему добросовестностью скрупулёзно изучал малейшие детали и эпизоды преступных деяний. Действительно, двоих

обвиняемых пришлось оправдать, и Пятаков приложил к этому руку: ну, не было там состава преступления, что ты будешь делать!

Хорошо, что служебное расследование вели более-менее порядочные люди, из стариков. С Пятакова сняли основные обвинения, не выгнали с работы, но клеймо неблагонадёжности, видимо, осталось. Его перевели в обычную милицию, в рядовые участковые, и о повышении он с тех пор не слышал — вероятно, в характеристику вписали парочку нелестных эпитетов, закрывающих путь вверх. Что ж, хорошо хоть в тюрьму не угодил, а служить партии и трудовому народу можно и в рядовой должности. Он не тщеславен. Но вот что обидно: года три назад от старого товарища довелось узнать, кто был доносчиком. Что вы думаете? Человек, которого Пятаков считал своим другом и учеником. Доносчика этого с позором исключили из органов и судили — но не за Пятакова, конечно. Вроде бы за шпионаж.

Мысли участкового вновь вернулись к прежнему предмету. Поп этот... Бескорыстный, подлец. Даже смелый. Фанатик. Ну а, положи руку на сердце, настоящие революционеры — разве не были фанатиками? Конечно, они отдавали жизни за светлые идеи, а не за мракобесие, но всё же... Пятаков не в первый раз почувствовал проблеск симпатии к молодому попу.

Теперь надо понять, стоит ли прижимать врага. Пришло время? Судя по политической ситуации, давно пришло. Но...

— Василий, что скажешь про попа? — бросил он топающему в двух шагах сзади Дубинину.

Тот протянул:

Содержание

Именины	3
Вы — со Христом	12
Дом союзов	36
Битые стёкла	49
Снова паруса	70
Разлад	76
Линия партии	99
Неудачный прыжок	104
«Дружина»	111
Отряд «Следопыты»	145
Авиапраздник	173
Суд	188
Грустные дни	202
Классный сбор	216
Болезнь	236
«Ваше время прошло»	239
Посылки и письма	245
Варвара Александровна	250
«До конец земли...»	258
Михеевский дом	270

Содержание

Чёрный ворон	278
Последняя литургия	293
Приложение.	
Летопись храма «у Академии»	305